

БОРИС
АКУНИН

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Первая сверхдержава

История Российского государства

Борис Акунин

**Первая сверхдержава. История
Российского государства.
Александр Благословенный
и Николай Незабвенный**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 94(47+57)12/15
ББК 63.3(2)43

Акунин Б.

Первая сверхдержава. История Российского государства. Александр
Благословенный и Николай Незабвенный / Б. Акунин —
«Издательство АСТ», 2020 — (История Российского государства)

ISBN 978-5-17-082577-6

Эта книга посвящена событиям первой половины XIX века, эпохе правления сыновей императора Павла – Александра, кумира отечественных либералов, и Николая, кумира отечественных государственников. Два эти политических режима, очень разные по идеологии и стилю, задали России новый ритм дыхания, продолжающийся и поныне. Какие уроки можно извлечь из изучения александровско-николаевской эпохи? «Первая сверхдержава» – седьмой том «Истории Российского государства» – рассказывает читателю, в чем причины стремительного взлета и последующего ослабления Российской империи, какой ценой страна достигла лидирующей мировой позиции и к каким результатам привел опыт «сверхдержавности».

УДК 94(47+57)12/15
ББК 63.3(2)43

ISBN 978-5-17-082577-6

© Акунин Б., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	9
Александр Павлович Романов в жизни	9
Ранние годы	10
Наследник престола	13
Отнюдь не сфинкс	16
Сильные и слабые стороны характера	18
Личная жизнь	22
Мистические искания	24
Главные деятели Александровской эпохи	27
Адам Чарторыйский	27
Павел Строганов	29
Николай Новосильцев	31
Виктор Кочубей	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Борис Акунин

Первая сверхдержава. История Российского государства. Александр Благословенный и Николай Незабвенный

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

В.В. Лапин,

профессор факультета истории ЕУСПб, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН

Е.С. Кормчина,

старший научный сотрудник НИУ ВШЭ

Оформление переплета – *А.В. Фerez*

Карты – *М.А. Романова*

Художник – *И.А. Сакуров*

В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентством Diomedia и свободными источниками

© В. Akunin, 2020

© eBook Applications LLC, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Предисловие

Этот том посвящен событиям первой половины XIX века, эпохе правления сыновей императора Павла – Александра и Николая. Два эти политических режима, очень разные по идеологии и стилю, задали России новый ритм дыхания, продолжающийся и поныне: за периодом реформ наступает полоса контрреформ, после короткого вдоха либерализации следует длинный выдох консервации, и снова, и снова.

Еще одна важная новация состояла в том, что Россия впервые достигла статуса сверхдержавы и стала претендовать на мировое (тогда это означало всеевропейское) лидерство. Название книги – «Первая сверхдержава» – напоминает читателю о том, что в двадцатом веке, после 1945 года, будет и второй опыт сверхдержавности, с точно таким же результатом. Ценой огромных жертв страна достигнет лидирующей позиции, продержится на ней те же сорок лет, а потом утратит ее.

Для того чтобы лучше понимать причины стремительного взлета и последующего ослабления Российской империи, полезно вкратце вспомнить, через какие этапы развития прошло наше государство.

По мнению автора, к описываемому историческому моменту оно существовало уже в четвертой по счету модификации.

Первой можно очень условно считать домонгольскую Русь. «Очень условно» – потому что раннее объединение русославян прямого отношения к будущей России не имеет. Это пред-Россия, как, впрочем, и пред-Украина, пред-Белоруссия и даже пред-Литва, если иметь в виду последующее Великое княжество Литовское.

Рождение государства, которое сегодня называется Российской Федерацией, относится ко второй половине XV века. Эту «Россию-2» основал замечательно деятельный и дальновидный правитель Иван III (1462–1505), взяв за образец «ордынскую» модель Чингисхана, которая зиждилась на четырех главных опорах: тотальная централизация власти; сакральность государственной идеи; вытекающая отсюда сакральность фигуры государя; ситуативное управление страной (то есть управление не по единым для всех законам, а по воле государя, в зависимости от ситуации). Для своего времени, когда большинство европейских стран были разобщены и раздроблены, это была весьма эффективная конструкция, и Московское государство быстро расширилось. Однако уже в следующем столетии обнаружились и дефекты подобного устройства, чересчур завязанного на личные качества правителя. Чингисханы и Иваны Третьи среди них попадают нечасто. При малоспособном государе «вертикаль» работает плохо, а утрата ею сакральности (например, пресечение династии) становится губительным.

В результате Смуты, тотального кризиса русской государственности, возникла модифицированная «Россия-3», в которой новая, еще слабая династия Романовых была вынуждена поделиться властными полномочиями с церковью, боярской аристократией и даже частично «средним» сословием, которое периодически созывалось на Земские соборы. Этот способ государственного существования не обладал прочностью «ордынской» административной пирамиды, но в то же время не использовал и возможностей естественной человеческой предприимчивости, на которую в семнадцатом веке делали ставку раннебуржуазные европейские страны.

В результате вскоре понадобилось новое переформатирование. Его в конце семнадцатого – начале восемнадцатого столетий осуществил феноменально деятельный правитель Петр Первый, создав «Россию-4», военно-бюрократическую империю. Первый российский император, который почему-то имеет репутацию европеизатора, на самом деле сделал нечто совершенно противоположное: вернул страну обратно к классической «ордынской» модели, реставрировав ее и существенно укрепив. Сильные мобилизационные механизмы строго-вер-

тикального управления в сочетании с заимствованными у Запада технологиями дали свой эффект: тратя до трех четвертей бюджета на армию и флот, в XVIII столетии Россия вошла в число великих военных держав.

Но после Петра Великого вновь сказался главный недостаток деспотического принципа управления. Фактически единственным двигателем развития здесь является высшая власть, и если самодержец слаб, развитие замедляется или вовсе останавливается. К тому же в восемнадцатом веке, с усложнением экономической, политической, социальной ситуации все явственней начал сказываться архаизм «ручного управления», гиперцентрализованности. Поэтому следующая великая правительница, Екатерина II, произвела некоторую корректировку системы и достроила евразийскую империю, заложенную Петром, на свой лад. К концу столетия Россия преобразовалась в самодержавно-дворянское государство, где высшее сословие получило ряд неотъемлемых прав, то есть, выражаясь языком современным, из «наемной рабочей силы» превратилось в «акционеров-миноритариев», соучаствующих в управлении «корпорацией». Самодержавие обрело мотивированных сотрудников, работающих не за страх, а за совесть. Только теперь военно-бюрократическую империю можно было считать окончательно сформировавшейся.

На первых порах проявились позитивные последствия этой внутренней реорганизации. В начале девятнадцатого века окрепшая Россия в одиночку выдержит натиск всей Европы и добьется политического первенства на континенте. Мы посмотрим, как евразийская империя достигает пика своего могущества, и увидим, что внешнее величие вовсе не обязательно сопровождается внутренним расцветом. Разберемся мы и в причинах, по которым сверхдержава Романовых не удержала этот свой возвышенный статус.

В новом столетии обнаружатся и опасные последствия екатерининской «перестройки». Во-первых, усиление политической роли дворянства надолго задержит отмену крепостного права – высшая власть будет мечтать об освобождении крестьян, но не решится это сделать из-за страха перед помещиками. Второй «побочный эффект» окажется для самодержавия еще тревожнее. Когда Екатерина II предоставила части подданных «вольность», то есть возможность не служить, да еще даровала этим людям некий набор личных прав, поколебались два коренных принципа «ордынской» системы. Впервые со времен Ивана III в стране возникла численно небольшая, но влиятельная прослойка, которая могла не считать себя слугами государства и к тому же от рождения обладала некими неотъемлемыми правами. Это сулило абсолютизму большие проблемы. Первые раскаты грома прозвучат в момент декабристского заговора, а затем противостояние между престолом и привилегированным классом будет становиться все глубже и шире. В русской политической жизни появляется новый фактор – Общество, и оно будет идеологически враждебно основополагающим принципам «ордынской» государственности.

Начиная с описываемой эпохи, в России формируются два противоборствующих лагеря. Их можно условно назвать «либералами» и «государственниками» – в том смысле, что одни делали ставку на частную инициативу, а другие на сильное государство. В исторической перспективе правы были вторые, лучше понимавшие архитектуру отечественной государственности и предчувствовавшие, что всякое расшатывание несущих опор может повлечь за собой разрушение всего здания. Но эта система взглядов всё больше устаревала. В условиях промышленной революции, мотором которой являлось свободное предпринимательство, ограничение свобод становилось тормозом для развития. Империя начинает проигрывать в экономической конкуренции другим державам, что в середине столетия приведет и к военному поражению.

Всё время находясь между этими Сциллой и Харибдой, Россия попадает в роковой цикл. Стагнация и экономическое отставание требуют либеральных реформ; реформы расшатывают государство и его «ордынскую» конструкцию; власть восстанавливает стабильность посред-

ством жестких контрреформ; это приводит к коллапсу и осознанию, что «так больше жить нельзя». И все повторяется сызнова.

При этом реформы всегда запаздывают, что делает их поспешными и плохо продуманными, а контрреформы вследствие испуга постоянно имеют несколько истерический вид. Всякий раз, рванувшись, страна словно забегает дальше, чем намеревалась, а потом, запаниковав, пятится обратно. За новацией следует не консервация, а реакция.

Книга поделена на две части не только из-за двух царствований, но еще и потому, что александровское и николаевское время позволяют изучить оба типа управления – либеральное и государственническое.

Здесь интересно, что и у Александра I, кумира отечественных либералов, и у Николая I, кумира отечественных государственников, несколько подмоченная репутация. С точки зрения вольнолюбивых авторов, Александр хорошо начал, но плохо закончил – не довел реформы до конца, упустил исторический шанс сделать Россию «нормальной страной». С точки зрения державников, Николай был всем хорош, но в финале всё испортил, проиграв Крымскую войну. Поэтому заслуги Александра, «взявшего Париж», признаются в том числе и авторами-государственниками; за этим царем традиционно закрепилось официальное прозвание «Благословенный». Николай же для последующих поколений либеральной общественности – фигура одиозная. Все быстро забыли, что он «Незабвенный» (был торжественно наречен так после смерти), и потом гораздо чаще называли его обидным именем «Николай Палкин».

«Тридцать лет это страшилище в огромных ботфортах, с оловянными пулями вместо глаз, безумствовало на троне, сдерживая рвущуюся из-под кандалов жизнь, тормозя всякое движение, безжалостно расправляясь с любым проблеском свободной жизни, подавляя инициативу, срубая каждую голову, осмеливающуюся подняться выше уровня, начертанного рукой венценосного деспота», – напишет после похорон царя политэмигрант Иван Савицкий, и эта цитата со временем станет хрестоматийной.

Однако мы увидим, что Николай вовсе не «безумствовал», а искренне хотел «как лучше». Следует сказать, что вообще все российские самодержцы девятнадцатого века были усердными тружениками. Никто из них не сибаритствовал, не предавался роскошества; никто не был жесток; все мечтали о справедливости и жаждали облагодетельствовать народ. Нет, Романовых никак нельзя назвать скверными царями. Они, что называется, очень старались. Но никто из них не мог выбраться за пределы роковой антиномии между необходимостью модернизации и сохранением стабильности. Все они, будто мотыльки, бьющиеся о стекло, пытались вырваться из этой системы координат, но «ордынская» структура государства подобного не допускала.

Александровско-николаевская эпоха заслуживает вдумчивого изучения еще и потому, что уроки из нее не извлечены. Неизбывная российская «манипуляция с гайками», которые то закручиваются, то откручиваются, все длится и длится. За оттепелью следуют заморозки, за пряником – кнут, милостивая власть сменяется «твердой рукой» – и оба способа управления работают неважно.

Поэтому у двух частей тома печальные названия: «Разбитые мечты» и «Утраченное величие». Но потомкам есть чем утешиться. По крайней мере, было что разбивать и было что утрачивать.

Часть первая

Александр Благословенный: Разбитые мечты

Александр Павлович Романов в жизни

Этот монарх казался современникам загадкой. Отношение к нему, в особенности на родине, несколько раз резко менялось. Обожание превращалось в пренебрежение, восхищение – в презрение и даже ненависть, а в последующие времена те же самые люди вспоминали Александра с ностальгией по утраченному «золотому веку». Человеку моего поколения это

напоминает метаморфозы в восприятии российской интеллигенцией Михаила Горбачева: от аплодисментов периода Перестройки к разочарованию начала девяностых и умилению двухтысячных.

У Александра Павловича много эффектных прозвищ. В Европе его называли Северным Сфинксом. Наполеон жаловался, что это Северный Тальма (то есть лицедей). Самому императору нравилось, когда его именовали Блестящим Метеором Севера, – но не Коронованным Гамлетом, поскольку здесь содержался неприятный намек на насильственную смерть отца. В домашнем, ближнем кругу говорили «наш Ангел».

Очень по-разному оценивают эту личность и историки. По их сочинениям составить о ней определенное представление довольно трудно. Александр получается то ли прекраснотелом – то ли двоедушным, то ли милостивым – то ли мстительным, то ли наивным – то ли коварным, то ли циником – то ли мистиком, то ли героем – то ли гаером.

Но все согласны в одном: личные особенности императора колоссально повлияли на историю России и существенно сказались на истории Европы. Поэтому имеет смысл подробно разобраться в характере, взглядах и эволюции этого человека.

Ранние годы

Первенец цесаревича Павла родился 12 декабря 1777 г. от второго брака великого князя Павла – с вюртембергской принцессой Марией Федоровной. Имя мальчику выбрали не родители, а бабушка-императрица, и оно для русской монархической традиции было необычным. Говорилось, что ребенок наречен в честь святого Александра Невского, но не скрывалось, что в виду имеется и другой Александр – Македонский, великий покоритель Азии. У Екатерины Великой после второй турецкой войны и Ясского договора возникли грандиозные планы. Следующему внуку она даст имя Константин – в предвкушении того, что это будущий властитель Константинополя. «Он через тридцать лет из Севастополя поедет в Царьград», – писала царица про второго внука. Но первому, конечно, уготовлялась судьба еще более блистательная.

Питомица Века Просвещения, Екатерина справедливо считала главной наукой педагогику и лично контролировала воспитание будущего самодержца.

В. Ключевский пишет: «Я не разделяю довольно распространенного мнения, будто Александр благодаря хлопотам бабушки получил хорошее воспитание, он был воспитан хлопотливо, но не хорошо, и не хорошо именно потому, что слишком хлопотливо». Однако великий историк несправедлив. Ребенка, росшего в столь аномальном положении, когда он с ранних лет находился в центре всеобщего внимания, трудно было бы воспитать более осмысленным образом.

Часто пишут, что на Александре плохо сказалось то, что он с младенчества был оторван от отца и матери – Екатерина не доверила им попечительство над сыном. Однако не стоит забывать, что Павел Петрович был человеком мягко говоря странным, его неумная супруга тоже славилась вздорностью, а при маленьком дворе великокняжеской четы царица нездоровая атмосфера мелочности, подозрительности и солдатчины. Бабушкино воспитание было явно предпочтительней.

О том, как оно выглядело, мы знаем в точности благодаря подробнейшей инструкции, лично составленной Екатериной для нянек малютки Александра и озаглавленной «Бабушкина азбука великому князю Александру Павловичу». Большинство этих рекомендаций выглядят вполне здраво и сегодня, а в России конца восемнадцатого века они казались просто откровением. Будучи издана в виде книги, «Азбука» продавалась огромными тиражами и произвела своего рода революцию в воспитании дворянских детей.

Стиль наставлений был таков:

«Об одежде

Да будет одежда их высочеств летом и зимою не слишком теплая, не тяжелая, не перевязанная, не гнетущая наипаче грудь. Чтобы платье их было как возможно проще и легче.

О пище

...Пища и питье да будут простые, и просто заготовленные, без пряных зелий, или таких корений кои кровь горячат, и без многой соли... Чтобы не кушали, когда сыты, и не пили, не имея жажды; и чтоб когда сыты, их не потчивали пищею или питием; чтоб не пили холодного, вспотевши, или когда разгорячены, и вспотевши не пили иначе, как скушав наперед кусок хлеба.

О воздухе

Чтоб в покоях их высочеств зимою по крайней мере дважды в день переменен был воздух открытием окон воздушных. Чтоб как возможно их высочества летом и зимою чаще были на вольном воздухе, когда сие не может вредить их здоровью... Чтоб летом играли на свежем воздухе, на солнце, на ветру. На огар [загар] лица и рук от солнца не смотреть.

О постеле и сне

Чтоб их высочества спали... отнюдь не на перинах, и чтоб одеяла их были легкие, летом простые ситцевые, подшитые простынею, зимою стеганные. Спать им, чтоб ночью голова не была покрыта или закутана, колико хотят: понеже сон детям здоров, но как вставать рано здорово же, и для того поваживать их высочеств ложиться рано.

О детских забавах и веселости нрава

Веселость нрава их высочеств ни унимать, ни уменьшать не должно; напротив того поощрять их нужно ко всякому движению и игре, летам и полу их сходственным; ибо движение дает телу и уму силы и здоровье. Не оставлять их высочеств никогда в праздности. Буде не играют и не учатся, тогда начать с ними какой ни есть разговор, сходственный их летам и понятию, чрез который получили бы умножение знания.

Что запрещать и до чего не допускать

Запрещать и не допускать до того, чтоб их высочества учинили вред себе или жизнь имеющему, следовательно бить или бранить при них не надлежит и их не допускать, чтоб били, щипали и бранили человека, или тварь, или какой вред, или боль причиняли.

В чем главные достоинства наставления состоят

Главное достоинство наставления детей состоять должно в любви к ближнему (не делай другому чего не хочешь, чтоб тебе сделано было), в общем благоволении к роду человеческому, в доброжелательстве ко всем людям. Чтоб ни в каком случае питомцы с умыслу не обижали никого, не показывали никому презрения и неучтивости; чтоб искали приобретать благоволение людей к себе ласковым и ловким обхождением».

Главный принцип обучения в точности совпадал с предписаниями современной педагогики: «Не столько учить детей, колико им нужно дать охоту, желание и любовь к знанию, дабы сами искали умножить свое знание».

Одним словом, бабушка Екатерина плохому не учила.

На седьмом году Александра передали в ведение мужчин. Императрица составила целый штат воспитателей и учителей, проявив недюжинное знание психологии. Возглавил коллектив генерал-аншеф Николай Салтыков, большой вельможа, главным достоинством которого, кажется, являлась ловкость. Он добился невозможного – сумел понравиться обоим враждующим дворам, государыни и наследника. Екатерина оценила такое дарование, совершенно необ-

ходимое монарху. У Салтыкова подросток, видимо, и научился психологическим приемам, которые в будущем создадут ему репутацию искусного притворщика. В юности же умение приспособливаться позволяло великому князю лавировать между бабкой и отцом.

Екатерина воспитывает внуков. Ф.-Ж. Сидо

Помощником при главном воспитателе состоял генерал Протасов, человек совсем иного склада – добрый, сентиментальный и простодушный до такой степени, что Адам Чарторыйский (разговор о котором впереди) даже называет его «полнейшим тупицей». Задачей Протасова, очевидно, было пробуждать в Александре и Константине «сердце», то есть чувствительность.

«Предметники», развивавшие ум мальчика, все были превосходны. Географию и природоведение преподавал знаменитый путешественник и естествоиспытатель академик Паллас, физику – академик Крафт, математику – француз Массон, в последующем автор «Секретных записок о России». Единственный русский, Михаил Муравьев, отец знаменитых декабристов, а в ту пору молодой еще человек, вел отечественную историю и словесность. Прекрасно образованный и литературно одаренный, он научил своего воспитанника хорошо изъясняться и писать на родном языке, что в те галломанские времена для высшего общества было скорее исключением.

Но самое большое влияние на юного Александра имел молодой швейцарец Фредерик-Сезар Лагарп, порекомендованный царице ее знаменитым корреспондентом бароном Гриммом. Сначала Лагарп учил ребенка только французскому, но в 1784 году подал государыне записку о том, как следует взращивать монарха соответственно высоким идеалам Просвещения. Этот меморандум так понравился Екатерине, что она сделала швейцарца кем-то вроде «преподавателя обществоведения». Он состоял при мальчике, подростке, юноше целых одиннадцать лет и сформировал всё его мировоззрение. Поскольку Лагарп был не только убежденным сторонником Просвещения, но и пылким республиканцем, проникся этими экзотическими для будущего самодержца идеями и Александр. Его ментор, кажется, не отличался глубоким умом (впоследствии молодой царь в этом убедится). Ключевский называет Лагарпа «ходячей и очень говорливой либеральной книжкой», но на подростков такие учителя – увлеченные, эмоциональные, яркие – больше всего обычно и воздействуют. Потом Александр будет

говорить, что всем хорошим в себе обязан Лагарпу. Столь же многим обязана прекрасному швейцарцу и Россия: все светлые начинания александровского царствования, изменившие облик страны, были следствием лагарповского воспитания.

Из подробных письменных отчетов учителя мы знаем, что мальчиком Александр был любознателен, но неусидчив – не мог сосредоточить внимание на чем-либо более трех минут; что его «добрые задатки» парализовались «сильной склонностью к беспечности»; что боязнь умственного труда мешала ему самостоятельно доходить до выводов. Причиной тому был слишком живой темперамент: «ни одной минуты покойной, всегда в движении; не замечая, куда идет и где ставит ногу, он непременно выпрыгнул бы из окошка, если бы за ним не следили». Чарторыйский пишет, что в юности великий князь не прочел до конца ни одной серьезной книги. Зато он очень интересовался вещами практическими: требовал у слуг, чтобы они учили его рубить дрова, ухаживать за лошадьми, красить стены, кухарить и так далее.

Выйдя из периода детской гиперактивности, Александр несомненно стал бы проявлять больше интереса к серьезным занятиям, но на восемнадцатом году жизни его образование закончилось. К этому времени Екатерина окончательно решила, что передаст престол не сумасбродному сыну, а любимому внуку. Для этого Александра поспешно женили и оторвали от учения, Лагарпа же отставили и вскоре выслали на родину.

Наследник престола

Во взрослую жизнь – мужа и будущего государя – юноша вошел, исполненный благородных и возвышенных, но довольно смутных идей. Биограф Корнилов пишет: «С отъездом Лагарпа можно считать законченным образование великого князя Александра; таким образом, Александр лишился главного своего руководителя и в то же время вступил в положение, которое явно не соответствовало его возрасту». По выражению огорченного Протасова, «забавы отвлекли его высочество от всякого прочного умствования».

Планы бабушки приводили юного республиканца в ужас. Он не стремился к власти, не желал надевать корону. «Мы с женой спасемся в Америку, будем там свободны и счастливы, и про нас больше не услышат», – восклицал великий князь в интимном кругу. За полгода до смерти Екатерины юноша пишет другу: «Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого трудного поприща (я не могу еще положительно назначить срок сего отречения) поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком, полагая мое счастье в обществе друзей и в изучении природы».

Однако салтыковское воспитание побуждало его утаивать свои истинные чувства от императрицы. «Я надеюсь, что Ваше Величество, судя по усердию моему заслужить неоцененное благоволение Ваше, убедитесь, что я вполне чувствую все значение оказанной милости», – писал Александр царице по поводу престолонаследия и одновременно с этим уверял Павла в сыновней преданности. Оба – и Екатерина, и Павел – были убеждены, что молодой человек полностью на их стороне.

Александр Павлович в юности. *Иоганн Баптист Лампи Старший*

К этому времени Александр и в самом деле сильно сблизился с отцом. Вероятно, отчасти это объяснялось обычным подростковым духом противоречия. Великий князь устал от бабкиной опеки и начал стремиться к чему-то иному, казавшемуся новым. Но кроме того юноше очень нравились военные игры, которым усердно предавался в своей Гатчине скучающий Павел Петрович. И Александр, и Константин увлеклись мундирами, парадами, фрунтом. В Петербурге был знакомый, надоевший «женский мир», а в Гатчине – интересный, «муж-

ской». Свидетель событий Чарторыйский рассказывает: «Строгое однообразие, установленное при дворе их бабки, где они не имели никаких серьезных занятий, слишком часто казалось им скучным. Их капральские обязанности, физическое утомление, необходимость таиться от бабушки и избегать ее, когда они возвращались с учения, измученные, в своем смешном наряде, от которого надо было поскорее освободиться [у «гатчинцев» были собственные мундиры прусского образца], всё это, кончая причудами отца, которого они страшно боялись, делало для них привлекательной эту карьеру, не имевшую отношения к той, которую намечали для них и петербургское общество, и виды Екатерины».

Великая императрица умерла скоропостижно, не успев официально объявить внука наследником. Поскольку Александр не предпринял попыток занять освободившийся престол, а Павел, наоборот, повел себя решительно, широкое общество даже и не узнало, что воля Екатерины нарушается. Судя по распространенной и весьма правдоподобной версии событий, ближайший соратник покойной граф Безбородко кулуарно передал Павлу Петровичу неопубликованный манифест о смене наследника, бумага отправилась в огонь, и царем стал Павел Первый.

Если положение при дворе Екатерины казалось юноше скучным, то при Павле оно стало нервным и тягостным. С одной стороны, теперь он официально считался наследником престола, и великокняжеская чета стала получать огромное содержание – 650 тысяч рублей в год. Кроме того Александр, ранее всего лишь командир одного из гатчинских потешных батальонов, теперь был назначен столичным генерал-губернатором и командиром гвардейского корпуса. Но находиться все время близ непредсказуемого, взрывного, вздорного Павла было настоящей мукой. Долгие годы подвергавшийся унижениям, параноидально мнительный к малейшим признакам чьей-либо независимости, новый царь превратил жизнь сыновей в ад. «Оба великих князя смертельно боялись своего отца, и когда он смотрел сколько-нибудь сердито, они бледнели и дрожали как осиновый лист», – рассказывает в своих записках конногвардеец Саблуков. В доверительном письме дорогому Лагарпу цесаревич жаловался: «Я сам, обязанный подчиняться всем мелочам военной службы, теряю все свое время на выполнение обязанностей унтер-офицера, решительно не имея никакой возможности отдаться своим научным занятиям, составлявшим мое любимое времяпрепровождение... Я сделался теперь самым несчастным человеком...».

У августейшего самодура никто не мог долго удержаться в милости, всех любимцев рано или поздно постигала опала. Угроза царского гнева в конце концов нависла и над членами семьи. В канун переворота поползли слухи, что император собирается сослать жену в монастырь, а наследника заточить в Петропавловскую крепость. Рассказывают, что однажды, рассердившись, Павел прислал сыну книгу о смерти царевича Алексея, отметив там место, где говорилось, что узник подвергался пыткам.

Но перемена, произошедшая в Александре, объяснялась не только страхом и накопившимися обидами. Оказавшись в гуще государственных дел, он увидел, как скверно управляется страна, сколько в ней творится зла, несправедливостей. Великий князь писал Лагарпу: «Чтобы сказать одним словом, благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами. Существует только неограниченная власть, которая всё творит шиворот-навыворот. Невозможно передать все те безрассудства, которые совершались здесь. Прибавьте к этому строгость, лишенную малейшей справедливости, немалую долю пристрастия и полнейшую неопытность в делах. Выбор исполнителей основан на фаворитизме; заслуги здесь ни при чем, одним словом, мое несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены. Вот картина современной России, и судите по ней, насколько должно страдать мое сердце».

Вместо уехавшего учителя близ Александра собирается кружок молодых друзей: Адам Чарторыйский, Павел Строганов, Николай Новосильцев, Виктор Кочубей. Мы познакомимся с ними ближе в следующей главе, пока же довольно сказать, что всё это были люди передовые, умные и непустяшные – дети нового, серьезного времени. И разговоры в этой компании велись нешуточные: о судьбах страны и Европы, о справедливом мироустройстве, о народном благе.

Мечтания об отъезде в Америку или на Рейн у Александра заканчиваются. Он уже хочет получить власть в свои руки и «сделать всё правильно».

Опасения за собственную участь и опасения за Россию – вот факторы, побудившие наследника стремиться к короне.

Попробуем разобраться, каких взглядов придерживался двадцатитрехлетний Александр к моменту восшествия на престол.

Вспоминая их первую встречу, Чарторыйский пишет: «Он признался мне, что ненавидит деспотизм везде, в какой бы форме он ни проявлялся, что любит свободу, которая, по его мнению, равно должна принадлежать всем людям; что он чрезвычайно интересовался Французской революцией; что не одобряя этих ужасных заблуждений, он всё же желает успеха республике и радуется ему». И далее: «По своим воззрениям он являлся выучеником 1789 года; он всюду хотел бы видеть республики и считал эту форму правления единственной, отвечающей желаниям и правам человечества». Но раз уж республика невозможна, Александр в качестве государя мечтал «утвердить благо России на основании непоколебимых законов» и создать некую «свободную конституцию». Слишком суровый к молодому прожектору Ключевский несомненно прав, когда говорит, что тот «вступил на престол с запасом возвышенных и доброжелательных стремлений, которые должны были водворять свободу и благоденствие в управляемом народе, но не давал отчета, как это сделать».

Будущий император поразительно напоминает молодую Екатерину, которой в начале царствования тоже не терпелось поскорее осчастливить Россию и казалось, что задача эта вполне осуществима, но только Александр был еще идеалистичнее, юнее и не прошел через опыт государственного переворота с цареубийством.

Впрочем, избежать этого страшного опыта ему не удалось.

Отнюдь не сфинкс

Для понимания эволюции Александра I нужно помнить, что в разные периоды это не был один и тот же человек. Тяжелые потрясения могут сильно изменить личность, а в жизни Александра Павловича таких роковых встрясок было три: гибель отца, ужасное поражение при Аустерлице и всеевропейское нашествие 1812 года.

Но самой болезненной, пожизненной травмой все же было отвратительное убийство Павла.

Екатерина в борьбе за трон переступила через труп мужа, но, обладая более счастливым складом характера, по-видимому, не слишком терзалась угрызениями. Ее чувствительный, рефлексирующий внук был устроен иначе.

Роль Александра в этой истории весьма некрасива. Он и участвовал, и не участвовал в заговоре. Его уговаривали сначала граф Панин, потом Пален – цесаревич отвечал уклончиво. Однако уже то, что, зная о затеваемом деле, сын не предупредил отца об опасности, являлось государственной изменой, за которую при разоблачении Александр дорого бы заплатил.

На этом и сыграл хитрый Пален, которому во что бы то ни стало требовалось хотя бы молчаливое согласие будущего императора. В конце концов наследник всё-таки внес свой вклад в переворот. Первоначально намечалось нанести удар в ночь на 10 марта 1801 года, но, узнав об этом, Александр посоветовал перенести дело на сутки, когда в карауле будут стоять предан-

ные ему семеновцы. Пален советом воспользовался, и царь был захвачен без сопротивления, а сразу вслед за тем убит.

Убийство Павла I. Гравюра начала XIX века

Что бы потом ни писали главари заговора, но Палену как человеку умному, конечно, было ясно: свергнутого царя в живых оставлять нельзя. Однако Александру сказали, что Павла лишь заставят отречься от престола, и наследник по своему прекрасному сердцу в это поверил. У нас нет оснований сомневаться в искренности этого заблуждения. Все свидетели сообщают, что известие о смерти отца привело великого князя в ступор. Он упал в обморок, потом заплакал, потом кинулся в возок и уехал прочь. Генерал Беннигсен, непосредственный предводитель царевичей, сухо прокомментировал это поведение следующим образом: «Император Александр предавался в своих покоях отчаянию, довольно натуральному, но неуместному». Конфидент Александра князь Чарторыйский рассказывает о переживаниях своего царственного друга подробнее: «У него бывали минуты такого страшного уныния, что боялись за его рассудок. Пользуясь в то время его доверием больше, чем кто-либо из его близких, я имел разрешение входить к нему в кабинет в то время, когда он затворялся там один... грызущий его червь не оставлял его в покое».

После 11 марта Александр уже не наивный мечтатель, а человек с червоточиной, хорошо усвоивший урок: для достижения высокой цели иногда приходится совершать ужасные вещи. Однако высокая цель для него пока остается прежней.

Вторая психологическая травма, случившаяся в 1805 году на поле Аустерлица, стала для молодого царя настоящей личной катастрофой. Мало того, что он подвергся опасности и перенес страх – был нанесен чудовищный удар по его самолюбию. Александр считал себя выше и лучше предшественников, но никто из них на протяжении целого столетия не подвергался такому унижительному разгрому, не бежал с позором от неприятеля. Над русским царем потешались в Европе, на родине роптали. Мемуарист Лев Энгельгардт пишет: «Аустерлицкая баталия сделала великое влияние над характером Александра, и ее можно назвать эпохой в его правлении. До этого он был кроток, доверчив, ласков, а тогда сделался подозрителен, строг до безмерности, неприступен и не терпел уже, чтобы кто говорил ему правду». По выражению историка С. Соловьева, Александр возвратился после Аустерлица более побежденный, чем его армия.

Произошел кардинальный поворот и во взглядах императора. Ему пришлось произвести изрядную переоценку ценностей. Оказалось, что иметь сильную армию и сильное государство важнее, чем поощрять свободы и просвещенность! Более того – без военной мощи не будет и России. Именно с этого времени Александр разочаровывается в «идеалистах» и начинает опираться на «практиков». Он и сам становится прагматичным.

Но предстояло пережить еще одно потрясение, самое монументальное в российской истории за последние двести лет – «нашествие двенадцати языков». Это испытание и страна, и ее правитель выдержали с честью, однако свершившееся великое чудо – когда от сожженной Москвы русские войска победоносно переместились в Париж – произвело в душе Александра новую перемену. Он превращается в истово верующего человека, глубокого мистика и таковым остается до конца своих дней. На этой метаморфозе мы еще остановимся, но вот три реперные точки, по которым следует измерять и оценивать поступки и решения Александра I в разные периоды его правления. Ничего загадочного, сфинксовского в этой эволюции нет.

Сильные и слабые стороны характера

Природные качества, воспитание и потрясения сформировали ту личность, которую мы знаем по деяниям и рассказам современников. В целом портрет складывается довольно привлекательный.

Начну с черт безусловно или преимущественно положительных.

Очень располагает всегдашнее стремление Александра Павловича к благу и добру. Представления царя о том, что хорошо и полезно для страны, неоднократно менялись под воздей-

ствием упомянутых выше потрясений, но это всегда было искреннее побуждение. Главной драмой жизни Александра, по-видимому, стало разочарование: высокие идеалы юности не выдержали столкновения с реальностью, и найти утешение можно было только в Вере.

Кроме того, император был добр и просто по-человечески: жалостлив, чувствителен, в хорошие минуты великодушен, легок на сострадательные слезы (впрочем, в те сентиментальные времена все охотно плакали). Самое важное здесь, однако, вот в чем. Подобно великой бабушке и в противоположность невеликому отцу Александр старался никого не унижить и не оскорбить. В обществе, где по причине извечного всеобщего бесправия было очень ослаблено представление о личном достоинстве, уважительность, даже просто вежливость царя в отношениях с подданными имела огромное, без преувеличения историческое значение. Она подавала пример, задавала стиль. «Сколько добродетели необходимо, чтобы ни разу не употребить во зло абсолютную власть в стране, где сами подданные изумляются умеренности столь редкостной!» – пишет об Александре госпожа де Сталь.

«Так как император поставил себе законом уважать чужие мнения, разрешать всем открыто высказываться и никого не преследовать, то не требовалось большой храбрости, чтобы порицать его и говорить ему правду, – рассказывает Чарторыйский. – Потому на это решались все, а в особенности салоны обеих столиц. Там происходила непрерывная критика всех действий правительства. Эта критика, подобно волнам бушующего моря, то шумно вздымалась, то опадала на время с тем, чтобы снова подняться при малейшем дуновении ветра». Князь пишет о «салонах», то есть высшем свете, однако со временем привычка не только иметь, но и отстаивать собственное мнение распространится шире. Мы еще поговорим об этом в главе, посвященной русскому обществу.

Мягкость манер не мешала Александру быть поразительно твердым в час тяжелых испытаний. Мы увидим, как в 1812 году он чуть ли не в одиночку, вопреки советам и настояниям ближнего круга, будет сохранять нестигаемую волю к сопротивлению и продолжит верить в победу; как в 1813 году, когда все, включая самого Кутузова, будут уговаривать его не испытывать судьбу, не гоняться по Европе за все еще грозным Бонапартом, Александр настоит на своем – и не остановится, пока не добьется полной победы. Правы историки, писавшие, что в момент великих событий царь проявил величие.

При самодержавной системе личные привычки и пристрастия правителя обретают гипертрофированное значение, поскольку все начинают под них подстраиваться, подражать им. Если использовать терминологию другой эпохи, Александр Павлович был «очень скромн в быту». Как мы помним, в детстве ему нравилось бывать на «людской половине» и работать руками. Эту склонность он сохранил и впоследствии.

Историк придворного быта С. Шубинский описывает обычное утро государя:

«Император Александр, живя весною и летом в Царском Селе, которое очень любил, вел там следующий образ жизни: проснувшись в 7-м часу утра, он пил чай, всегда зеленый с густыми сливками и с поджаренными гренками, из белого хлеба. Затем, одевшись, выходил в сад в свою любимую аллею, из которой постоянно направлялся к плотине большого озера, где обыкновенно ожидали его: главный садовник Лямин и все птичье общество, обитавшее на птичьем дворе, близ этой плотины. К приходу государя птичники обыкновенно приготавливали в корзинах корм для птиц. Почуввав издали приближение государя, все птицы приветствовали его на разных своих голосах. Подойдя к корзинам, император надевал особенно приготовленную для него перчатку и начинал сам раздавать корм. После того делал различные распоряжения относящиеся до сада и парка и отправлялся в дальнейшую прогулку. В 10 часов он возвращался во дворец и иногда кушал фрукты,

нарезали вручную). К сожалению, подобным образом Александр относился не только к письменным столам и писчебумажной продукции. Снисходительный и терпеливый по отношению к «штатскому» обществу, он был истинным сыном своего отца во всем, что касалось военного дела. Должно быть, в его внутреннем мире жизнь делилась на сферы, где хаос допустим – и где он совершенно непростителен. «Мелочные формальности военной службы и привычка приписывать им чрезвычайно большое значение извратили ум великого князя Александра, – пишет Чарторыйский. – У него выработалось пристрастие к мелочам, от которого он не мог избавиться и в последующее время, когда ему уже стала понятна абсурдность этой системы».

Боевой генерал Сергей Тучков, попавший в столицу и оказавшийся свидетелем царской фрунтмании, описывает ее следующим образом: «Ординарцы, посыльные, ефрейторы, одетые для образца разных войск солдаты, с которыми он проводил по несколько часов, делая заметки мелом рукою на мундирах и исподних платьях, наполняли его кабинет вместе с образцовыми щетками для усов и сапог, дощечками для чищения пуговиц и других подобных мелочей...» Александр целыми часами в это время мог проводить в манеже, наблюдая за маршировкой: «Он качался беспрестанно с ноги на ногу, как маятник у часов, и повторял беспрестанно слова: «раз-раз» – во все время, как солдаты маршировали».

Следует учесть, что происходит это в 1805 году, в разгар подготовки к войне с лучшей армией Европы – войне, которую Россия проиграет. Русские воины нарядно выглядели, идеально маршировали, но их боевая выучка оставляла желать лучшего, и виноват в этом был августейший фельдфебель. Александр вместе с Аракчеевым были убежденными сторонниками прусской военной школы, которая делала ставку не на инициативность солдата, а на тотальную, микроскопическую управляемость. Описанный ниже эксперимент с «военными поселениями», где регламентация жизни нижних чинов доводилась уже до полного гротеска, тоже в известной степени был следствием психологической obsessions императора.

Преувеличенная любовь к порядку, вероятно, имела и свои плюсы, но Александр обладал рядом черт, которые были уже беспримесно отрицательными.

К их числу относятся огромное тщеславие, жажда нравиться, внушать восхищение и обожание. Для правителя это очень серьезный дефект, поскольку им ловко пользуются льстецы и манипуляторы. Император был очень неглуп, но случалось, что и попадался в эту ловушку. То же качество заставляло его долго помнить обиды. При всем мягкосердечии он мог быть мстителем, если задевалось его самолюбие. (По мнению некоторых историков, чуть ли не главной причиной опалы Сперанского стала недостаточная почтительность реформатора к его величеству.)

Шубинский пересказывает эпизод, который, в понимании автора, свидетельствует о великодушии императора, но скорее демонстрирует несимпатичное сочетание мстительности с ханжеством. «Милосердие императора Александра было беспредельно в случаях оскорбления его особы дерзкими словами; в делах такого рода не было иной резолюции, кроме: «простить». Только по делу казенного крестьянина Пермской губернии, Мичкова, уличенного в произнесении богохульных и дерзких против высочайшей особы слов, последовала, на заключение государственного совета, по которому подсудимый был приговорен к наказанию плетью сорока ударами и ссылке в Сибирь, высочайшая резолюция: – «Быть по сему, единственно в наказание за богохульные слова, прощая его совершенно в словах, произнесенных на мой счет».

Интересно, что сам Александр превосходно понимал этот свой недостаток и страдал от него. Еще тринадцатилетним он пишет: «Полный самолюбия и лишенный соревнования, я чрезвычайно нечувствителен ко всему, что не задевает прямо самолюбия. Эгоист, лишь бы мне ни в чем не было недостатка, мне мало дела до других. Тщеславен, мне бы хотелось выказываться и блеснуть на счет ближнего, потому что я не чувствую в себе нужных сил для приобретения истинного достоинства». Поразительно трезвая и безжалостная самооценка для подростка. Но натура оказывалась сильнее рефлексии.

В то же время упрек, чаще всего предъявлявшийся Александру – в лицемерии и двоедушии – пожалуй, выглядит странно. Правителю невозможно быть откровенным и открытым. Ему приходится иметь дело с весьма неоткровенными обстоятельствами и весьма непростыми людьми. Простодушен и прям был царь Павел. Мы знаем, чем это закончилось. А то, что Наполеон обзывал русского царя «Северным Тальма», означает лишь, что в дипломатических маневрах Александр иногда переигрывал даже корсиканского хитреца.

Личная жизнь

Восемнадцатое столетие было эпохой фаворитов и фавориток. Тот или та, кого полюбит монарх, обычно делался сверхвлиятельной политической фигурой. Поэтому в предыдущем томе нам важно было знать, как складывалась интимная жизнь Анны, Елизаветы, Екатерины. При Павле большим «аппаратным весом» обладала даже невластолюбивая Нелидова, платоническая подруга государя.

Любовные привязанности царя Александра, отдадим ему должное, никак не отражались на ходе государственной жизни. Возможно, дело в том, что при всей своей чувствительности царь не отличался особенной чувственностью. При его жизни по этому поводу даже ходили разные нелестные для его мужской природы слухи, но они были безосновательны. Из записок дотошного и добросовестного генерала Протасова, приставленного попечительствовать над мальчиком, мы знаем, что физически он был абсолютно стандартен: «имея от рождения двенадцать лет, при всех естественных знаках мужества начал иметь сонные грезы», а в четырнадцать лет «замечаются в Александре Павловиче сильные физические желания, как в разговорах, так и по сонным грезам, которые умножаются по мере частых бесед с хорошими женщинами». Довольно скоро после этого великого князя женили.

Царица Елизавета Алексеевна (Луиза-Мария-Августа Баденская) никакого влияния на политику не оказывала. Это была милая, добрая и, кажется, неглупая женщина, но из-за слишком раннего брака молодые скоро охладели друг к другу, у каждого были увлечения на стороне, и вновь супруги сблизились уже в самый последний период жизни – на почве религиозности. В эту пору Александр стал относиться к своей немолодой, часто хворающей жене с чрезвычайной нежностью. Роковое путешествие на юг, сведшее Александра в могилу, было затеяно для того, чтобы увезти императрицу подальше от сырой петербургской осени. Елизавета Алексеевна очень тяжело переживала кончину «Ангела» и полгода спустя тоже сошла в могилу. Фабула их длинных, сложных отношений очень интересна и по-своему красива, но к истории Российского государства касательства не имеет, поэтому отвлекаться мы не станем. Для истории существенно лишь то, что потомства этот союз не оставил.

Елизавета Алексеевна. *Неизвестный художник*

Влиять на политику пыталась младшая сестра царя Екатерина Павловна, круг которой представлял собой род консервативного клуба, но заметного воздействия на ход дел эта дама все же не оказывала.

Связи у Александра, конечно, происходили – он не был монахом, но обычно царь ограничивался галантным ухаживанием. Об этих рыцарственных маневрах Чарторыйский иронически пишет: «Редко, чтобы женской добродетели действительно угрожала опасность». Царь рассказывал ему, «что на ночь он запирает дверь на два замка, из боязни, чтобы его не застали врасплох и не подвергли бы слишком опасному искушению, которого он желал избежать».

Вероятно, Александру больше нравилось внушать любовь, нежели пользоваться ее плодами, – то есть речь идет опять-таки о тщеславии.

Единственный долгий и, кажется, серьезный роман связывал царя с Марией Нарышкиной, но эта женщина не отличалась честолюбием, ни во что не вмешивалась и, кажется, не слишком ценила отношения с императором – во всяком случае, в конце концов променяла его на другого возлюбленного.

Одним словом, Александр Павлович не был счастлив в любви, и это стало счастьем для страны. Более того, дурная традиция, по которой в «коридоры власти» можно было попасть через будуар, с этого времени в России заканчивается. Преемникам Александра будет казаться уже неприличным смешивать интимное с государственным.

Из женщин, близких к царю, лишь одна оставила некоторый след в отечественной истории. Роман был пылким – но исключительно в духовном смысле. Это увлечение произошло, когда Александр после Наполеоновских войн переосмысливал взгляды на жизнь и погрузился в напряженные мистические искания.

Мистические искания

Без этой важной страницы в биографии императора его психологический портрет получился бы неполным, а поворот всей государственной политики в последнее десятилетие выглядел бы необъяснимым. Изменение курса объяснялось не только политическими, но и личными резонами.

Екатерина Великая, как подобает усердной читательнице Вольтера и Дидро, религией не увлекалась и не хотела, чтобы ее внук был подвержен «суевериям». Поэтому в качестве духовного наставника она приставила к Александру весьма необычного клирика – протоиерея Андрея Сомборского, много лет прожившего в Англии, женатого на англичанке и до такой степени обангличанившегося, что он брил лицо (на то священнику требовалось специальное разрешение). Кроме Закона Божьего этот пастырь заодно уж преподавал великим князьям и английский язык. Неудивительно, что в юности Александр был далек от религии.

Однако в 1812 году, когда судьба страны и самого императора висели на волоске, а победоносные полки Наполеона неостановимо двигались вглубь России, в душе Александра произошла перемена. Он уповал только на чудо, искал утешения в чтении Святого Писания и молитве, сблизился с такими же, как он, молитвенниками. Источником упомянутой выше непреклонной твердости государя стал не Разум, на который он всегда полагался, а Вера. И она Александра не подвела. Разгром вражеских полчищ царь воспринял прежде всего как Божье чудо, знак свыше.

Историк-эмигрант С. Мельгунов в биографии Александра приводит такие его слова: «Пожар Москвы просветил мою душу, а суд Господень на снеговых полях наполнил мое сердце такой жаркой верой, какой я до сих пор никогда не испытывал... Теперь я познал Бога... Я понял и понимаю Его волю и Его законы. Во мне созрело и окрепло решение посвятить себя и свое царствование прославлению Его. С тех пор я стал другим человеком». И это провозглашалось царем не только в частных беседах. В Манифесте по случаю окончательной победы над неприятелем говорилось: «Самая великость дел сих показывает, что не мы то сделали. Бог для совершения сего нашими руками дал слабости нашей Свою силу, простоте нашей Свою мудрость, слепоте нашей Свое всевидящее око».

После 1812 года Александр будто переродился. Воспитанник Лагарпа окружил себя всякого рода пророками и пророчицами, начетниками, юродивыми. Одного из последних, некоего Никитушку, даже удостоил статского чина, скандализовав общество. Император не расставался с конвертом, где лежали листки с заветными молитвами, выискивал тайные послания в «Апокалипсисе», лично покровительствовал Библейскому обществу, учредил как единое

ведомство Министерство духовных дел и народного просвещения (весьма сомнительный эксперимент, который долго не продержался). Метаморфоза, приключившаяся с бывшим вольнодумцем, так поразила современников, что впоследствии возникнет легенда о сибирском отшельнике «старце Федоре Кузьмиче»: будто бы в 1825 году Александр не умер, а сокрылся от мира. От этого человека можно было ожидать всякого.

Духовные поиски императора не прекращались и во время заграничного похода русской армии. Царь повсюду встречался с «божьими людьми» разных конфессий, с проповедниками, с сектантами. В Силезии государь умилялся благости братьев-гернгутеров, общавшихся с Господом напрямую, без священников. В Бадене теософ Иоганн Штилинг, веривший, что он – земное воплощение Христа, толковал Александру о скором Апокалипсисе. Во время посещения Англии царь сблизился с квакерами. Повсюду он искал озарения, ждал неких мистических сигналов.

И однажды такой знак явился. Летом 1815 года на немецком постоялом дворе царь по своей привычке перед сном читал «Откровение Иоанна Богослова», дошел до места, где говорится «И знамение велие явися на небеси: жена, облеченна в солнце, и луна под ногами ея, и на главе ея венец» – в этот миг ему доложили, что явилась и просит аудиенции баронесса Криденер, известная европейская прорицательница. Потрясенный Александр принял ее как посланницу Господа.

Барбара-Юлия Криденер не всегда была пророчицей. В молодости она вела вполне легкомысленный образ жизни, писала сентиментальные романы, но в зрелом возрасте обратилась к мистике. Экзальтированная баронесса толковала Евангелие на собственный манер, излучала святость, изрекала вдохновенные пророчества – одним словом, произвела на царя огромное впечатление. Другой мистик, архимандрит Фотий, под влияние которого Александр попадет в самый последний период жизни, называл баронессу Криденер «женкой в разгоряченности ума и сердца, от беса вдыхаемой». Эта пятидесятилетняя дама по-видимому обладала незаурядным обаянием и даром внушения. На некоторое время император стал с ней неразлучен. Находясь в Париже, он поселил ее по соседству и доверял ей свои сокровенные мысли.

Продолжалось это интеллектуальное увлечение не очень долго. В конце концов назойливость баронессы царя утомила. Но я уделяю этой женщине столько внимания, потому что по случайному стечению обстоятельств она сыграла важную роль в европейской истории. Криденер, что называется, оказалась в нужном месте и в нужное время.

В 1815 году в Париже решались судьбы континента, закладывались принципы новой межгосударственной политической системы. О Священном Союзе будет рассказано в своем месте, но сама идея зародилась и оформилась под влиянием баронессы, убеждавшей царя, что он избран Богом для спасения Европы от тлетворной революционной заразы. Впоследствии Александр будет говорить, что Криденер не имела к этому проекту никакого отношения, но современники и очевидцы утверждали обратное.

Такова внутренняя эволюция Александра Павловича, человека, который за свою не столь долгую жизнь (он умер, немного не дожив до сорока восьми лет) неоднократно менялся, но остался неизменен в одном: в стремлении к благу. И когда не сумел достичь цели в реальной жизни, то разочаровался в земном разуме и стал уповать на Высший. В сущности это очень грустная человеческая история.

Баронесса Криденер. *Ф.-Ф. Майер Старший*

Главные деятели Александровской эпохи

Царствование Александра можно разделить на три периода: «романтический», «прагматический» и «мистический» (последний еще называют «консервативным» или даже «реакционным»). На каждом из этих этапов император опирался на доверенных лиц, разделявших его взгляды. В пользу царя и его помощников говорит то, что никто из них, кажется, не кривил душой и не подделывался под конъюнктуру; все они руководствовались искренним убеждением. Поэтому, когда мировоззрение государя делало очередной зигзаг, менялись и соратники. Оставался только Аракчеев, убеждения которого сводились к личной преданности государю.

Сначала это были участники приятельской компании, сложившейся вокруг наследника еще в девяностые годы, а потом вошедшие в Негласный Комитет, своего рода «правительство молодых реформаторов»: А. Чарторыйский, П. Строганов, Н. Новосильцев, В. Кочубей.

После Аустерлицкого шока на первое место выходят люди более приземленные и очень серьезные: по гражданским делам – Сперанский, по военным – Аракчеев.

На завершающем этапе император по-прежнему и даже еще шире, чем прежде, опирается в «земных» делах на Аракчеева, а в «небесных» – на своего старинного товарища А.Н. Голицына, который проделал в жизни примерно такую же причудливую траекторию, как сам Александр.

Все они (за исключением разве что Голицына) были люди яркие. Каждый заслуживает отдельного рассказа.

Адам Чарторыйский

Польский князь Адам Чарторыйский, с которым восемнадцатилетний Александр сблизился в 1795 году, был на семь лет старше. Чарторыйский успел повидать мир, пройти через нешуточные испытания. В ранней юности путешествовал по Европе, пожил в Англии, повоевал с русскими во время второго раздела своей несчастной родины, а перед третьим разделом был арестован.

Огромные владения Чарторыйских попали под конфискацию. Императрица Екатерина согласилась сменить гнев на милость, только если Адам и его брат поступят на царскую военную службу. Молодые люди прибыли в Петербург не по своей воле, ненавидя Россию и всё русское, но (читаем в мемуарах князя) «мало-помалу мы пришли к убеждению, что эти русские, которых мы научились инстинктивно ненавидеть, которых мы причисляли, всех без исключения, к числу существ зловердных и кровожадных, с которыми мы готовились избегать всякого общения, с которыми не могли даже встретиться без отвращения, – что все эти русские более или менее такие же люди, как и все прочие». А великий князь Александр Павлович, к которому Адам через некоторое время попал в адъютанты, надолго стал его лучшим другом.

Князь Адам Чарторыйский. *Йозеф Печка*

Польский аристократ произвел на юношу огромное впечатление своим умом, образованностью, чувством собственного достоинства, возвышенностью мыслей. Как большинство образованных людей той эпохи, Чарторыйский, разумеется, был сторонником прогресса и свобод, так что молодым людям было о чем поговорить. Князь Адам был взрослее, трезвее, сдержаннее Александра.

«Он попросил меня составить ему проект манифеста, которым он желал бы объявить свою волю в тот момент, когда верховная власть перейдет к нему, – рассказывает Чарторыйский эпизод из 1797 года, когда Александр уже официально считался наследником престола. – Напрасно я отказывался от этого, он не оставил меня в покое до тех пор, пока я не согласился изложить на бумаге мысли, беспрестанно его занимавшие. Чтобы успокоить его, надо было исполнить его желание, которое все больше волновало его и которое он высказывал все настойчивее. Итак, я, хотя и наскоро, но как только мог лучше составил этот проект манифеста. Это был ряд рассуждений, в которых я излагал неудобства государственного порядка, существовавшего до сих пор в России, и все преимущества того устройства, которое хотел дать ей Александр; я разъяснял блага свободы и справедливости, которыми она будет наслаждаться после того, как будут удалены преграды, мешавшие ее благоденствию, затем провозглашалось решение Александра, по выполнении этой великой задачи, сложить с себя власть для того, чтобы явилась возможность призвать к делу укрепления и усовершенствования предпринятого великого начинания того, кто будет признан более достойным пользоваться властью. Нет надобности говорить, как мало эти прекрасные рассуждения и фразы, которые я старался связать как можно лучше, были применимы к действительному положению вещей».

Чарторыйский возвращал Александра на землю, когда тот слишком далеко заносился в своих мечтаниях. И понемногу вселил в великого князя идею, которая произвела важный переворот в настроениях юноши: стремление к спокойной и приятной уединенной жизни для наследника престола – слабость и эгоизм. Если желаешь «создать счастье для своего отечества», от власти уходить нельзя.

К своему младшему (по возрасту) другу Чарторыйский всегда относился хоть и с искренней любовью, но критически, и это было Александру на пользу. Другой симпатичной чертой князя Адама было бескорыстие. Он не стремился к чинам и не нуждался в богатствах (как и остальные «реформаторы»); его честолюбие было иного, *исторического* свойства – в том смысле, что Чарторыйский желал занять место в истории. Был у этого человека, однако, и серьезный для российского государственного деятеля недостаток. Чарторыйский всегда оставался прежде всего поляком, и интересы Польши для него стояли на первом месте. Впрочем, князь никогда этого и не скрывал.

Влияние молодого поляка на цесаревича было столь заметно, что император Павел в конце концов затревожился и в 1798 году услав Чарторыйского подалыше, посланником в Сардинию. Александр очень тосковал по своему другу и, получив корону, сразу же призвал его в Петербург.

Павел Строганов

Граф Павел Александрович Строганов был знаком Александру с детства, хотя в России этот вельможа бывал лишь наездами. Отпрыск богатейшей фамилии, которой кроме уральских рудников и заводов принадлежали 120 тысяч крепостных и полтора миллиона десятин земли, Павел Строганов родился и вырос во Франции. Его отец, известный меценат и филантроп, был галломаном и воспитал сына французом. Русский язык мальчику пришлось учить позднее, когда он впервые попал на родину предков. При этом Строганов единственный из «реформаторов» хоть сколько-то знал жизнь провинции. Отец устроил подростку познавательную экскурсию по стране, провезя его по всей европейской части государства, от Белого до Черного моря. Но тринадцатилетним Павел опять уехал в Европу. Сопровождал его воспитатель-фран-

цуз Ромм, очень похожий на Лагарпа, но еще более отъявленный республиканец. Они объехали весь континент. Юный граф повсюду учился разным наукам: химии, физике, минералогии. Но главные университеты ему предстояло пройти в революционном Париже. Там его учитель вступил в Якобинский клуб и привел туда же своего ученика. Этот эпизод в биографии Павла Строганова поразителен. Подданный деспотической империи, владелец несметного количества рабов надел красный колпак, назвался «гражданином Полем Очером» и завел роман со скандальной «амазонкой революции» Териуан де Мерикур.

В конце концов по приказу императрицы заблудшего юношу вернули в Россию. (Его учитель Ромм остался, был избран в Конвент, голосовал за смерть короля, а впоследствии сам угодил под колеса революционного террора и закололся кинжалом, чтобы не попасть на эшафот.) Отбыв ссылку в провинции, Строганов оказался при дворе, где возобновил детское знакомство с Александром. Разумеется, они сразу же сошлись.

Павел Строганов. *Джордж Доу*

«Граф Павел Александрович Строганов был одним из тех объевропеившихся русских аристократов, которые умели как-то связывать в своем уме теоретические принципы равенства и свободы со стремлением к политическому преобладанию высшего дворянства», – замечает Чарторыйский, кажется, относившийся к приятелю с некоторой иронией и писавший: «он из нас самый пылкий» – то есть еще более пылкий, чем Александр.

Но при этом Строганов из всей компании был самым решительным сторонником широких реформ. Он тоже любил Александра, но считал его слабохарактерным и всячески старался придать своему царственному другу твердости. О душевных качествах Павла Строганова все мемуаристы отзываются в самых превосходных степенях.

Николай Новосильцев

Третий участник дружеского кружка, Николай Николаевич Новосильцев, был кузеном Павла Строганова. По возрасту старше остальных, к середине девяностых годов он успел поучаствовать в шведской и польской войнах, дослужиться до полковника и вышел в отставку, чтобы уехать в Лондон и учиться там естественным наукам.

«Всех старше летами и, конечно, всех выше умом был Николай Николаевич Новосильцев», – пишет про него известный мемуарист Ф. Вигель.

Именно этого солидного и по тогдашним понятиям немолодого (тридцатилетнего) человека отрядили в Париж, чтобы вернуть в Россию родственника-якобинца. В сложившейся вокруг наследника компании Николай Николаевич был за старшего – и не только по возрасту. «Новосильцев был умен, проницателен, обладал большой способностью к работе, парализованной только чрезвычайной любовью к чувственным удовольствиям и наслаждениям, что не мешало ему много читать, успешно изучать состояние промышленности и приобрести основательные знания в области законовещения и политической экономии. Наряду с изучением этих наук, он предавался поверхностному философствованию о многих вещах, стремясь быть свободным от всяких предрассудков, что, однако, нисколько не вредило благородству его характера», – пишет Чарторыйский.

Новосильцевская «чрезвычайная любовь к чувственным удовольствиям и наслаждениям» тоже была не лишней для юного наследника, которого, должно быть, иногда утомляли ученые, возвышенные беседы. Александр очень привязался к этому остроумному, бывалому, ловкому человеку. «Молодой царь видел в нем умного, способного и сведущего сотрудника, веселого и приятного собеседника, преданного и откровенного друга, паче всех других полюбил его и поместил у себя во дворце», – сообщает Вигель.

Николай Новосильцев. *С.С. Жукин*

Виктор Кочубей

Четвертый член того же кружка, сыгравший важную роль в начале царствования, был Виктор Павлович Кочубей. Как и остальные, он принадлежал к самому высшему свету. Отпрыск старинного украинского рода, Кочубей был любимым племянником и воспитанником бездетного графа Безбородко, который ведал всей внешней политикой империи. Поэтому молодой вельможа тоже пошел по дипломатической части, обнаружив редкие способности.

Виктор Кочубей. *Франсуа Жерар*

Он служил в Швеции и Англии, побывал в революционном Париже, всего в 24 года занял очень важную тогда должность посланника в Константинополе, а по возвращении был произведен в тайные советники и назначен вице-канцлером. Это был самый высокопоставленный участник маленького либерального клуба, сложившегося вокруг наследника. И – вероятно в силу чиновничьего опыта – самый умеренный и реалистичный по взглядам на государство, что проявится в период реформ.

Чарторыйский оценивает своего товарища следующим образом: «Он выглядел европейцем и отличался прекрасными манерами и потому легко завоевал расположение и уважение... Он имел навык в делах, но ему не доставало широких и действительных знаний. Ум у него был точный, но неглубокий; он отличался мягкостью характера, добротой, искренностью, которые редко можно встретить в России».

При мягкости характера Виктор Павлович, однако, не был человеком малодушным. Когда император Павел вздумал пристроить свою любовницу Анну Лопухину и предложил молодому вице-канцлеру на ней жениться, Кочубей почтительно, но твердо уклонился от такой «честь». При гневливости царя, не терпевшего малейшего неповиновения, это был весьма рискованный поступок. Кочубей поплатился за него карьерой – был сослан в деревню, а потом от греха уехал за границу. Весной 1801 года Александр немедленно попросит Виктора Павловича, как и Чарторыйского, поскорее вернуться – и для Кочубея настанет его звездный час.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.